

ОПРАВДАНИЕ НАУКИ.

Теория познания В. Вундта.

(Окончаніе).

а. Понятіе причинности.

Причинность, также какъ и субстанція, предполагаетъ у Вундта первоначальное понятіе эмпирической вещи и такъ же, какъ и субстанція, требуетъ для своего развитія опытныхъ данныхъ. Мы указывали уже на то, что субстанція получилась путемъ абстрагирования отъ понятія вещи признака постоянства; но точно такимъ же образомъ можно прослѣдить генезисъ и понятія причинности, такъ какъ въ понятіи вещи основаніемъ для образованія указаннаго понятія является именно тотъ признакъ измѣнчивости, который находитъ себѣ выраженіе при дальнѣйшемъ развитіи въ понятіи „становленія“. Поэтому непосредственнымъ переходомъ отъ понятія вещи къ понятію причинности Вундтъ считаетъ понятіе становленія. „Понятіе причинности подготовилось въ болѣе абстрактномъ понятіи становленія“ говоритъ Вундтъ¹⁾. Но сторонники метафизической субстанціи считаютъ причинность не чѣмъ-либо самостоятельнымъ, отличнымъ отъ субстанціи, а обыкновенно придаютъ причинности лишь смыслъ атрибутивности, приписывая субстанціи первенствующее значеніе. Этотъ взглядъ на причинность, какъ на атрибутивный признакъ субстанціи, былъ внесенъ, какъ указываетъ Вундтъ, вмѣстѣ съ субстанціей въ естествознаніе. Здѣсь предполагалось, что причиною ка-

¹⁾ System., S 280.

кого-либо явленія въ каждомъ данномъ случаѣ служить субстанціальное основаніе, и понятіе „силы“ есть именно, по мнѣнію Вундта, первая стадія развитія понятія причинности; „сила есть субстанціальная причинность“—такъ характеризуетъ Вундтъ воззрѣніе этой стадии научнаго развитія ¹⁾. Всѣ дѣйствія получаютъ, согласно этой точкѣ зрѣнія, отъ одной или многихъ субстанцій. Даже каждое тѣло, поскольку оно служило точкой приложенія исходящаго изъ него дѣйствія, считалось причиною даннаго дѣйствія; постепенное развитіе научныхъ воззрѣній мало-по-малу привело къ уменьшенію количества субстанцій и при дальнѣйшемъ развитіи взглядовъ уже не каждая вещь считалась причиною исходящаго отъ нея дѣйствія, а тѣ элементарныя субстанціальныя сущности, которыми характеризовалось данное тѣло. Но только въ сравнительно позднее время признаніе матеріальныхъ элементовъ при разсмотрѣніи причинныхъ связей стало замѣняться болѣе формальными понятіями. Какъ указываетъ Вундтъ, механика первая пришла къ этому наиболѣе развившемуся взгляду ²⁾; введя понятія массы и ускоренія, механика могла не разсматривать уже массы, какъ матеріальной сущности съ опредѣленными свойствами; масса просто представляетъ сопротивленіе дѣйствующей силѣ, а сила опредѣляется какъ произведеніе массы на ускореніе. Теперь уже сила не приписывается внутренней сущности предмета, а сводится на внѣшнее взаимодействіе разсматриваемыхъ тѣлъ. Но это, конечно, возможно лишь въ механикѣ, которая, отвлекаясь отъ физическихъ свойствъ матеріи, оперируетъ надъ послѣдней съ точки зрѣнія формальныхъ понятій. Въ физикѣ же разнообразіе явленій, связанныхъ со свойствами самой матеріи, а не только съ пространственно-временными формами и отвлеченными понятіями матеріальныхъ свойствъ,—въ физикѣ освобожденіе отъ субстанціальности въ понятіи причинности шло не такъ быстро. Раздѣленіе родственныхъ физическихъ явленій по группамъ привело къ установленію различныхъ субстанціальныхъ элементовъ, какъ, на примѣръ, къ извѣстнымъ

¹⁾ Ibid. S. 281. Ср. Logik. I, S. 583 f. (Нѣмецкое слово „Ursache“ ясно указываетъ на первоначальное значеніе причины какъ *ur-sache*; причина и слѣдствіе здѣсь *Gegenstand und... Handlung*).

²⁾ System, S. 284.

„imponderabilia“ старой физики; но, съ того времени, какъ съ одной стороны, стремленіе къ объединенію всѣхъ разнородныхъ элементовъ къ единому началу стало проявляться особенно сильно, а, съ другой стороны, полного непротиворѣчиваго перехода изъ различныхъ „неприводимыхъ“ наукъ другъ къ другу при одной гипотезѣ матеріи найти было нельзя, физика прибѣгнула къ образованію такого понятія, которое могло бы охватить всѣ данныя физическихъ явленій. Этимъ понятіемъ стала—энергія.

Энергія, по мнѣнію Вундта, какъ понятіе болѣе широкое, чѣмъ понятіе механической силы, уже не нуждается такъ ясно въ субстанціальности матеріи, какъ сила. Если сила имѣетъ своимъ производителемъ массу, то въ энергіи исчезаетъ даже это понятіе, связанное съ матеріей, и здѣсь можно уже просто видѣть лишь взаимную зависимость явленій природы. Если зависимость энергіи указываетъ только на зависимость явленій при отвлеченіи отъ свойствъ матеріи, то причиной и слѣдствіемъ будутъ уже не вещь и дѣйствіе, а только процессы, слѣдующіе другъ за другомъ. Итакъ въ концѣ концовъ, „причина и слѣдствіе“, какъ говоритъ Вундтъ, „совершенно утратили здѣсь свое субстанціальное значеніе и приобрѣли значеніе феноменологическое, актуальное“ ¹⁾, „Уравненія между энергіями“ и въ томъ случаѣ, когда они выражаютъ превращеніе одной энергіи въ другую, и въ томъ случаѣ, когда просто разсматриваются какъ приравниванія двухъ состояній—эти уравненія уже стоятъ на высшемъ пунктѣ освобожденія причинности отъ субстанціальной подкладки. Поэтому весь недостатокъ предшествующихъ ступеней возрѣній былъ именно тотъ, что причина и слѣдствіе считались неоднородными, и всюду при истолкованіи явленій природы примѣнялось то неправильное и незаконное стремленіе, которое, какъ красиво формулируетъ это Lachelier ²⁾, выражается въ способности мышленія „transformer la cause en une chose“. Но теперь уже между энергіями устанавливается не только внѣшняя, но и логическая связь; одна энергія ведетъ за собою другую,

¹⁾ System, 287. Cp. Logik I, S. 602: „Nun sind wir davon ausgegangen, dass weder die Ursache noch die Wirkung als Dinge, sondern dass beide als Vorgänge aufgefasst werden müssen, da...“

²⁾ H. Lachelier. Théorie de la connaissance... de Wundt. Revue phil. 1880. p. 35.

одно явленіе замѣщаетъ другое. И, такъ какъ по отношенію къ мышленію эти измѣненія въ природѣ обращаются въ понятія, то понятія эти основываются на установленіи связи по логическому принципу основанія. Матеріальный субстратъ, правда, не исчезаетъ совершенно, такъ какъ приложеніе закона основанія къ процессамъ должно подразумѣвать нѣчто подверженное теченію процессовъ, т. е. матеріальную сущность ¹⁾. Но субстанція теперь уже не мыслится какъ основаніе явленій, къ которому можно присоединить атрибуты бытія и причинности, но уже эта субстанція проявляется въ причинности и только черезъ нее образуется, какъ нѣкоторая необходимая предпосылка. „Субстанція теперь уже сама субстанціальная причинность“, такъ какъ „она дава намъ только въ причинности этихъ явленій“ ²⁾. вмѣстѣ же съ исключеніемъ отдѣльной отъ причинности субстанціи, послѣ того, какъ „всѣ процессы понимаются какъ единая связанная система основаній и слѣдствій“ ³⁾, Вундтъ считаетъ необходимымъ признать актуальную взаимоопредѣлимость явленій природы, по которой каждое слѣдствіе представляется причиною послѣдующаго слѣдствія, также какъ каждая причина получается въ видѣ слѣдствія предшествующей при-

¹⁾ *Sigwart. Logik, II S. 175.* Предполагая за Вундтомъ ученіе о чистой актуальности безъ отношенія къ матеріальному субстрату, Sigwart говоритъ: „Der Satz, dass die Causalität nur auf Ereignisse oder Vorgänge, nicht auf Dinge sich beziehe, ist also in dieser abstracten Fassung nicht durchführbar“. Вундтъ, однако, считаетъ это просто недоразумѣніемъ, такъ какъ онъ не отрицалъ того, что матеріальный субстратъ всегда мыслится при причинныхъ явленіяхъ и въ актуальномъ смыслѣ. Вундтъ указываетъ, что возраженіе Sigwart'a относительно того, что „у Вундта кромѣ величины ускоренія въ понятіи силы ничего не утверждается“ (*Log. 175*) несправедливо, т. к., если механика и отвлекается отъ массы читая силу прямо пропорціональной только вторымъ частнымъ производнымъ дифференціаловъ осей по временамъ, то это возможно при абстрактныхъ изслѣдованіяхъ механики, но что при дѣйствительномъ изслѣдованіи природы сила всегда считается пропорціональной массѣ умноженной на ускореніе. (*Wundt. Psychische Causalität. Philos. Stud. X. S. 24*). Отрывокъ изъ Sigwart'a мы цитировали по Вундту (тамъ же).

²⁾ *System, S. 289.*

³⁾ *Ibid., S. 287. Cp. Logik I, S. 610:* „Die Zurückführung der Causalität auf den Erkenntnisgrund würde dann, aber auch nur dann berechtigt sein, wenn die Ursachen als Prämissen benützt werden könnten, aus denen ohne Rücksicht auf bestätigende Beobachtungen die Wirkungen zu erschliessen wären“.

чины. Въмѣстѣ съ тѣмъ, по его мнѣнію, всѣ процессы принимаютъ видъ непрерывной смѣны явленій, и причины становятся эквивалентными своимъ слѣдствіямъ, причемъ эквивалентность эта можетъ быть выражена даже количественно, другими словами, при помощи чисто формальныхъ понятій.

Но уже совершенно другое встрѣчаемъ мы, по ученію Вундта, въ области психологіи. Если старая психологія и заимствовала у естествознанія различнаго рода общія понятія, а въ томъ числѣ и причинность, то новѣйшая психологія расходится съ естествознаніемъ совершенно. Понятіе субстанціальной причинности жило и живетъ въ большинствѣ метафизическихъ теорій, и спиритуализмъ, по мнѣнію Вундта, представляется яркимъ представителемъ подобныхъ понятій. Душа, также какъ въ естествознаніи матерія, представляется пребывающею субстанціей, атрибутомъ которой служить причинность. Вундтъ указываетъ, какъ на мотивы возникновенія спиритуализма, съ одной стороны на явленіе единства сознанія и съ другой стороны на фактъ возобновленія старыхъ представленій. Однако, изъ нихъ „единство сознанія“, на взглядъ Вундта, не является положительнымъ и убѣдительнымъ доводомъ для возрѣній спиритуалистовъ. „Единство сознанія всегда соединено съ многообразіемъ его состояній“, говоритъ Вундтъ, и потому, по его мнѣнію, выводомъ отсюда будетъ не единство духовной субстанціи, но и ея многообразіе, ея сложность. Что же касается исчезающихъ и вновь появляющихся представленій въ нашемъ сознаніи, то этотъ фактъ приводитъ не только къ указанію на духовную субстанцію, какъ на нѣчто отличное отъ самихъ представленій, но и къ признанію за душою нѣкоторой способности задерживать при себѣ представленія. Такимъ образомъ, какъ первый фактъ, такъ и второй приводятъ къ понятію о сложности душевной сущности; въ такомъ случаѣ, какъ указываетъ Вундтъ, необходимо измѣнить понятіе субстанціи, чтобы приложить его къ душевной жизни, не противорѣча психологическимъ фактамъ. Такъ, по его мнѣнію, и сдѣлалъ Lotze: у послѣдняго въ опредѣленіи субстанціи фигурируетъ два признака—недѣлимость и неуничтожаемость; всѣ же остальные признаки отпадаютъ; субстанція здѣсь обращается въ самые психическіе про-

пессы ¹⁾. Но тогда, по словамъ Вундта, субстанціальная причинность, растворяющаяся въ присущей ей причинности до потери своихъ отличительныхъ признаковъ, въ дѣйствительности есть просто причинность ²⁾.

Отсюда уже недалеко и до установленія того взгляда на душевную жизнь, какъ на слѣдующія другъ за другомъ въ причинной связи явленія. Но, останавливаясь на этомъ взглядѣ, Вундтъ вмѣстѣ съ тѣмъ близко подходитъ уже и къ тому пониманію причинности, которое онъ установилъ по отношенію къ естествознанію. Какъ и тамъ, такъ и здѣсь причиной и слѣдствіемъ служатъ не понятія различныхъ категорій, а событія, смѣняющія другъ друга и связанные какъ основаніе и слѣдствіе по принципу основанія. Однако, между обѣими областями относительно причинности всегда существуетъ различіе: въ естествознаніи причинность никогда не можетъ освободиться отъ субстанціальности и матерія въ качествѣ субстанции всегда подразумѣвается въ установленіи причинной связи явленій, какъ необходимое основаніе; въ психологіи же причинность вовсе не приводитъ къ понятію субстанціальности; здѣсь мы наблюдаемъ лишь смѣну явленій, здѣсь проявляется чистая актуальная причинность ³⁾.

Сопоставляя теперь понятіе причинности въ естествознаніи и въ психологіи, можно видѣть, что, при указанныхъ соображеніяхъ Вундта, актуальная причинность легко можетъ охватить съ нѣкоторымъ только различіемъ обѣ области внѣшняго и внутренняго міра. Чтобы еще болѣе сильнымъ сдѣлать это сближеніе, Вундтъ, исходя изъ понятія актуальной причинности, считаетъ уже послѣднюю основаніемъ для законнаго существованія понятія субстанции въ естествознаніи; по его словамъ, теперь нельзя сказать, что „нѣтъ причинности безъ субстанціальности“, но „нѣтъ субстанціальности безъ причинности“ ⁴⁾. Причинность является уже болѣе общимъ понятіемъ, и субстанціальность въ естествозна-

¹⁾ См. напр. *Lotze. Mikrokosmos* II 1869. S. 156 f. Рус. пер. 1866 стр. 187 (т. II)

²⁾ *System*, S. 299.

³⁾ *Ibid.*, S. 301.

⁴⁾ *System*, S. 301: Lautete der einstige Grundsatz der empirischen Wissenschaften: „keine Causalität ohne Substantialität“,... so lautet der heutige Grundsatz umgekehrt: „keine Substantialität ohne Causalität“...

ніи служить требованіємъ, возникающимъ изъ этого основнаго понятія. Но, подобно тому, какъ на первоначальной стадіи развитія понятія причинности субстанція играла доминирующую роль, теперь оба понятія, по мнѣнію Вундта, должны помѣняться мѣстами. Выводить причинность на основаніи субстанціи можно, но не на всѣхъ ступеняхъ развитія этого понятія. По указанію Вундта ¹⁾, на примѣръ, Sigwart тѣмъ и грѣшитъ въ своемъ ученіи о причинности, что хочеть удержать за послѣдней тотъ первоначальный смыслъ, который придавался этому понятію ²⁾, и думаетъ „всѣ позднѣйшіе результаты рефлексіи подчинить этому первоначальному понятію причинности“.

При ближайшемъ анализѣ ученія Вундта о причинности легко понять тѣ мотивы, которыми руководствовался послѣдній въ признаніи за причинностью основнаго понятія.

Въ этой части теоріи познанія Вундта какъ бы предвозвѣщается то примиреніе естествознанія и психологіи на почвѣ идеализма, которое Вундтъ дѣлаетъ въ своей онтологической метафізикѣ. Понятіе причинности въ новой формѣ легко можетъ объединить обѣ области при соблюденіи нѣкоторыхъ условій; если естественно-научная причинность ведетъ къ признанію субстанціи, но если сама причинность есть логическая связь, перенесенная на форономическія явленія вѣднѣяго міра, то легко прійти уже и къ тому, чтобы видѣть въ субстанціи тотъ же моментъ объективации, какъ и въ случаѣ понятій причины и слѣдствія. Утвержденіе: „безъ причинности нѣтъ субстанціальности“ указываетъ именно на то, что субстанціальность возникаетъ какъ чисто логическое требованіе, возникшее, какъ и причинность, на логическомъ законѣ основанія. Но, если субстанція возникаетъ при такихъ логическихъ требованіяхъ, то она, въ концѣ концовъ теряетъ свое чисто объективное значеніе. Въ причинности мы, по ученію Вундта, замѣчаемъ объективи-

¹⁾ *Wundt. Psychische Causalität. Philos. Stud. X, S. 3.*

²⁾ См. *H. Grünbaum. Zur Kritik der modernen Causalanschauungen. Archiv f. s. Phil. 1899.* Grünbaum приводитъ здѣсь указанное нами различіе между Вундтомъ и Sigwart'омъ: „...Keine Substantialität ohne Causalität, sagt Wundt; keine Causalität ohne Substantialität, sagt Sigwart“ (s. 351). (По отношенію къ общему ученію о причинности, Grünbaum ставитъ Вундта наравнѣ съ Rieh'емъ и называетъ точку зрѣнія обоихъ какъ „критическій сенсуализмъ-раціонализмъ-эмпиризмъ“ (s. 327).

рованіе слѣдующаго рода: причина является перенесеніемъ на внѣшній міръ логическаго основанія; а слѣдствіе или результатъ—логическаго слѣдствія. Субстанція же, по Вундту, необходима для проявленія причинной связи между причиною и слѣдствіемъ; поэтому легко видѣть, что сама субстанція также получаетъ начало отъ закона основанія, но уже не отъ двухъ членовъ его, а отъ того именно базиса, на которомъ строится выводъ. И здѣсь мы легко замѣчаемъ, что переходъ къ идеализму неизбеженъ теперь у Вундта. Субстанція есть логическое требованіе и истинное въ предѣлахъ космологическаго разсмотрѣнія; но подъ ней должно уже скрываться нѣчто болѣе, нѣчто реальнѣе, чѣмъ простая матерія, состоящая изъ атомовъ. Но что это за сущность?

Естественно-научная причинность не даетъ возможности рѣшить это; она приводитъ только къ предположенію того, что подъ матеріей кроется нѣчто нематеріальное и нѣчто болѣе реальное, чѣмъ матерія. И для рѣшенія даннаго вопроса нужно обратиться къ внутреннему міру, какъ къ непосредственному источнику нашего познанія.

Переходя въ область психологіи, мы прежде всего видимъ у Вундта рѣшительное отрицаніе здѣсь понятія эквивалентности, которое имѣетъ мѣсто въ естествознаніи. Каждое новое психическое образованіе не есть простая сумма составляющихъ психическихъ элементовъ;—въ каждомъ актѣ соединенія мы находимъ „творческой синтезъ“, который приводитъ къ закону „возрастанія цѣнностей“¹⁾. Въ силу этого въ психической жизни замѣстительность причины слѣдствіемъ и обратно—невозможна; причина всегда бѣднѣе слѣдствія и эквивалентность не имѣетъ здѣсь примѣненія. Наоборотъ, эквивалентность, которую мы считаемъ пригодною для объясненія физическаго міра, является только частнымъ случаемъ общаго закона „возрастанія цѣнностей“²⁾, именно тѣмъ частнымъ случаемъ, когда приращеніе цѣнности стремится къ нулю. Когда причинная связь устанавливается по отношенію ко всему переживанію³⁾, въ которое

¹⁾ System, S. 304. (Ср. Ethik, S. 464).

²⁾ Ibid., S. 307,

³⁾ См. Ribot Th. L'évolution des idées générales. Рус. пер. 1898, стр. 272. Возможность существованія различныхъ формъ причинности Ribot считаетъ (указывая на Вундта) „секретомъ будущаго“.

входят и представленія, и чувствованія и волевые процессы,—тогда законъ „возрастанія цѣнностей“ имѣетъ силу, и слѣдствіе оцѣнивается какъ нѣчто большее, чѣмъ его основаніе, такъ какъ разсмотрѣніе обращается на всю качественную сторону нашего переживанія. Мышленіе оцѣниваетъ, такимъ образомъ, съ качественной стороны тѣ процессы, которые вытекаютъ изъ предшествовавшихъ имъ и обладаютъ новыми свойствами, не содержащимися въ предшествовавшихъ процессахъ. Но именно въ томъ частномъ случаѣ, когда качественная сторона не принимается мышленіемъ въ расчетъ, когда мышленіе обращается не на столь цѣнные для самого „я“ процессы, а на болѣе объективный, какъ бы навязанный извнѣ и безотносительный въ силу этого для нашего „я“ элементъ переживанія, т. е. на представленія безъ отношенія послѣднихъ къ вызываемымъ ими чувствованіямъ и реакціямъ нашей волевой дѣятельности,—тогда именно законъ возрастанія цѣнностей не проявляется въ видѣ различной оцѣнки причины и слѣдствія и всѣ члены причиннаго ряда въ такомъ случаѣ пріобрѣтаютъ одинаковую безразличную цѣнность. Для мышленія, какъ внутренняго и „собственнѣйшаго“ процесса, безразлична по цѣнности та причинная связь, въ которую вступаютъ представленія—объекты. „Наша познавательная способность“, какъ образно выражается Вундтъ, „относится къ проявленіямъ причинности въ природѣ какъ относительно индифферентный зритель, для котораго въ частности не имѣютъ никакихъ различій по цѣнности различные члены причиннаго ряда“ ¹⁾. И здѣсь, именно, возможно приложеніе принципа эквивалентности причины и слѣдствія, и возможна замѣна этихъ членовъ другъ другомъ. Подобное же постоянное соотношеніе причины и слѣдствія, ведущее даже къ количественному опредѣленію эквивалентности, вліяетъ также и на понятіе субстанціальности. Въ мірѣ полнаго переживанія, гдѣ имѣетъ силу законъ возрастанія цѣнности, неизмѣннаго нельзя ничего найти, такъ какъ внутренняя сторона переживанія непрерывно мѣняется отъ меньшаго къ большому и не даетъ возможности найти для нея неизмѣннаго основанія. Въ мірѣ же представленій, въ естество-

¹⁾ System, S. 307 f.

знаніи, при отсутствіи оцѣнки качественной стороны, причинность ведетъ къ закономерности измѣняющихся и переходящихъ другъ въ друга явленій. Хотя эти послѣднія и могутъ быть различны между собою, однако они не отличаются въ качественномъ отношеніи, и общій признакъ, остающійся послѣ всѣхъ переходовъ, приводитъ, именно, въ видѣ слѣдствія закона причинности, къ установленію понятія субстанціи, какъ реальнаго основанія всѣхъ физическихъ процессовъ.

Легко видѣть, что здѣсь опять-таки субстанція характеризуется перенесеніемъ на внѣшній міръ того основанія, на которомъ связываются логически причина и слѣдствіе. Но въ психологіи каждый разъ причина и слѣдствіе связуются качественно различнымъ образомъ и общаго основанія для всѣхъ процессовъ у нихъ нѣтъ; въ естествознаніи же подобное связываніе всегда происходитъ одинаковымъ образомъ и потому законъ основанія получаетъ въ видѣ объективнаго коррелата неизмѣнную субстанцію и играетъ здѣсь важную роль въ установленіи эквивалентности и закономерности физическихъ явленій.

Таково въ общихъ чертахъ ученіе Вундта о законѣ причинности. Его среднее мѣсто между чистыми эмпиристами и апріористами ¹⁾ вытекаетъ непосредственно изъ всего его ученія въ этомъ вопросѣ; мы видѣли, что для установленія понятія причинности, на его взглядъ, необходима наличность двухъ условій: во первыхъ, существованіе опытнаго содержанія, даннаго во временной послѣдовательности, во вторыхъ, присутствіе апріорной связующей функціи мышленія. Опытъ указываетъ на то, какіе элементы необходимо связать между собою; мышленіе же даетъ возможность произвести эту связь въ видѣ логической зависимости и выдвигаетъ для этой цѣли законъ основанія.

Такимъ образомъ, Вундтъ не согласенъ съ крайностями ученій Нуме'a и Канта, такъ какъ точка зрѣнія Нуме'a приводитъ къ установленію *propter hoc* на основаніи *post hoc*, а точка зрѣнія Канта не объясняетъ, какіе элементы опыта

¹⁾ Срав. *E. König*. Die Entwicklung des Causalproblems in der Philosophie seit Kant. (2 ч. Theil) S. 408. (1890). Также *R. Eisler* Wundts Philosophie... 1902. S. 123. *Lachelier*, Théorie de la connaissance... p. 36.

должны быть каждый разъ связуемы и не даетъ возможности считать законъ причинности возникающимъ путемъ постепеннаго развитія, которому подвержены всѣ чистыя понятія дѣйствительности. Итакъ, Вундтъ удерживаетъ за закономъ причинности его важное значеніе для познанія вѣдншаго міра, что теперь, въ эпоху эмпирикритицизма, однако, такъ старательно избѣгается, какъ „слѣды фетишизма“, которые по словамъ Mach'a „дѣлко держатся въ понятіи причинности“¹⁾. Однако установленіемъ понятія актуальной причинности, которая въ неочищенномъ видѣ была указана уже Hume'омъ, Вундтъ близко подходитъ даже къ Averanius'у и Mach'у, поскольку тѣ „разсматриваютъ факты, какъ зависящіе другъ отъ друга подобно тому, какъ это дѣлаетъ математикъ“²⁾. Вундтъ самъ указываетъ³⁾ на то, что если Averanius и Mach и избѣгнули понятія причинности, то всѣ другіе выводы или понятія, какъ то: зависимость, условіе, функція—отличаются отъ причинности только ихъ абстрактнымъ, чисто логическимъ значеніемъ. Въ томъ пониманіи актуальной причинности, которое выставляетъ Вундтъ, придерживаясь новѣйшихъ научныхъ взглядовъ на причинность, не нужно видѣть, по его мнѣнію, „чертъ фетишизма“. Какъ указываетъ Вундтъ⁴⁾, Mach просто лишь путаетъ житейское пониманіе причинности съ естественно-научнымъ, между тѣмъ какъ въ своихъ примѣрахъ и толкованіяхъ⁵⁾ Mach, наоборотъ самъ оказывается сторонникомъ того пониманія причинности, котораго придерживается Вундтъ. Поэтому, на взглядъ послѣдняго, „эмпирикритицизмъ на самомъ дѣлѣ не столько элиминируетъ данное понятіе, сколько замѣняетъ его другимъ, о которомъ дѣлаетъ предположеніе, что къ нему не пристала черта анимизма или фетишизма. Это понятіе зависимости, условія, но во всякомъ случаѣ—основанія“⁶⁾. У Вундта также причина и

1) *Mach*. Законъ причинности и объясненіе. Рус. пер. Научн. Обзор. 1898. стр. 1711.

2) *Ibid*.

3) *Ueber n. u. k. Realismus. Phil. Stud. XIII. S. 333.*

4) *Ibid. S. 387.*

5) *Mach*. Die Principien der Wärmenlehre. S. 432. (См. Wundt. Ueber n. u. k. Real s. 386).

6) *Wundt. Ueber n. u. k. Realismus. Ph. Stud. XIII. S. 388.*

слѣдствіе представляютъ изъ себя процессы, связующіеся подобно членамъ математической функціональной зависимости, и отличие его ученія отъ эмпириокритицизма развѣ лишь то, что въ немъ легко видѣть послѣдователя и сторонника очищеннаго критицизма.

Но законъ причинности въ приложеніи къ психологіи представляетъ у Вундта гораздо болѣе оригинальности и интереса, чѣмъ въ области естествознанія. Только при разсмотрѣніи ученія о естественно-научной причинности наряду съ психической причинностью, данная часть теоріи познанія представляется „in hohem Grade beachtenwerth“, какъ говоритъ Volkelt ¹⁾, и только при анализѣ понятія о психической причинности можно сказать словами Lachelier ²⁾, что „эта часть теоріи познанія быть можетъ наиболѣе оригинальна“. Но удивительнымъ, поэтому, намъ кажется то, что ни одинъ изъ наиболѣе намъ извѣстныхъ комментаторовъ и критиковъ Вундта не обратилъ на указанную сторону ученія о причинности должнаго вниманія. По взгляду Вундта, о чемъ мы уже говорили, причинность естествознанія составляетъ частный случай причинности въ явленіяхъ общаго переживанія и только то отсутствіе оцѣнки причины и дѣйствія, которое предполагается въ естествознаніи, даетъ возможность установленія эквивалентности основанія и слѣдствія. Наоборотъ, это отсутствіе эквивалентности въ психическихъ явленіяхъ представляется важнымъ указаніемъ на ненужность признанія субстанціи въ духовныхъ процессахъ. Прекрасною иллюстраціей для этого взгляда можетъ служить сравненіе духовной жизни съ поэтическимъ произведеніемъ, сдѣланное Paulsen'омъ ³⁾. Послѣднее „не есть механическое сложеніе отдѣльныхъ стиховъ; какъ сущая по себѣ субстанція оно не есть и нѣчто существующее внѣ отдѣльныхъ стиховъ. Точно такимъ же образомъ и душа существуетъ не внѣ, или подъ явленіями сознанія, какъ твердое, недвижимое, неизмѣнное, реальное,—а только въ нихъ“. Прилагая это сравненіе къ воззрѣніямъ Вундта, можно дополнить его по отношенію къ закону возрастанія психическихъ цѣнно-

1) I. Volkelt. W. Wundts „System d. Ph.“ S. 415.

2) H. Lachelier. Théorie de la connaissance... p. 36.

3) Paulsen. Einleitung in die Ph. Рус. пер. стр. 373.

стей: если духовная жизнь аналогична поэтическому произведению, то не только сочетание стиховъ даетъ нѣкоторое единство впечатлѣнія, получающагося не стѣ чисто механическаго соединенія или суммированія стиховъ. Оцѣнка произведенія, если оно переживается при чтеніи, растетъ не пропорціонально количеству соединенныхъ стиховъ, и въ этомъ уже можно видѣть законъ возрастанія духовныхъ цѣнностей. Но въ тѣхъ печальныхъ случаяхъ, когда произведенія оцѣниваются, или могутъ оцѣниваться, лишь по количеству заключающихся въ нихъ строчекъ, то тогда мы получаемъ аналогію съ естественно-научной причинностью: здѣсь начинаетъ даже играть роль законъ эквивалентности и при такихъ обстоятельствахъ возможно даже замѣщеніе одной строчки другою. Это возможно именно тогда, когда поэтическія творенія производятъ на читателя впечатлѣніе какъ на „индифферентнаго зрителя“,—какимъ у Вундта является субъектъ въ своихъ отношеніяхъ къ находящимся въ немъ представленіямъ.

с. Понятіе цѣли.

Понятіе цѣли у Вундта неразрывно связано съ предыдущимъ понятіемъ причинности. Какъ послѣднее на первыхъ стадіяхъ развитія еще до приобрѣтенія актуальнаго значенія было только понятіемъ субстанціальной причинности, такъ и понятію актуальной цѣли предшествуетъ понятіе субстанціальной цѣли. Въ этомъ первоначальномъ видѣ и причинность и цѣль являются атрибутами субстанции, такъ какъ цѣль приписывается субстанции также какъ и причинность; но такъ какъ цѣль предполагаетъ при содѣйствіи субстанции свободу выбора изъ возможныхъ слѣдствій одного какого угодно, чего нѣтъ въ понятіи причинности, то въ признаніи причинности безъ цѣли появляется чисто механическая точка зрѣнія, а соединеніе обоихъ понятій указываетъ на субстанцію какъ на цѣлепричину и ведетъ за собою телеологическое ученіе, находящееся обыкновенно въ антагонизмѣ съ причиннымъ. Но подобный антагонизмъ устраняется, по мнѣнію Вундта, въ признаніи актуальной причинности и актуальной цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, при актуальной причинности слѣдствіемъ и причиной служатъ не разнородныя понятія, но процессы, могущіе замѣнять

другъ друга; но такое замѣщеніе слѣдствія причиною, а причины—слѣдствіемъ легко приводитъ къ понятію актуальной цѣли: цѣль именно возможно получить непосредственно изъ причинности, если, какъ указываетъ Вундтъ, „обратить прогрессивное направленіе причинности въ регрессивное, откуда вытекаетъ, что „цѣлевое разсмотрѣніе есть не что иное, какъ обращеніе причиннаго разсмотрѣнія концомъ напередъ“¹⁾.

Подобный способъ изслѣдованія очень часто, по словамъ Вундта, необходимо примѣнять и въ наукахъ неорганическихъ для облегченія пониманія совершающихся въ природѣ явленій. Такъ, напримѣръ, механика прибѣгаетъ къ телеологическимъ допущеніямъ въ такихъ случаяхъ, какъ въ примѣненіяхъ закона „сохраненія“ энергіи, принципа „сохраненія“ центра тяжести, наименьшаго усилія и другихъ; но въ еще болѣшей степени телеологическое объясненіе распространяется на біологію, гдѣ сравненіе организма съ „машиною“ ясно указываетъ на признаніе цѣли. Такимъ образомъ, при актуальномъ понятіи цѣли телеологическій взглядъ можетъ, по мнѣнію Вундта, примѣняться ко всѣмъ явленіямъ вполне законно. Подобно тому, какъ въ причинности мы разсматриваемъ сначала причину, а затѣмъ слѣдствіе и слѣдствіе называемъ дѣйствіемъ указанной причины, такъ точно при разсмотрѣніи тѣхъ же двухъ послѣдовательныхъ процессовъ уже въ обратномъ порядкѣ, мы послѣдующее явленіе называемъ цѣлью, а предшествующее средствомъ. Потому оба разсмотрѣнія—какъ причинное, такъ и цѣлевое можно ставить наравнѣ одно съ другимъ и замѣщать по мѣрѣ надобности одно разсмотрѣніе другимъ. Въ силу этого Вундтъ считаетъ принципъ цѣли не только относящимся къ метафизикѣ, но признаетъ за нимъ важную роль и въ теоріи познанія²⁾; принципъ актуальной причинности, по его мнѣнію, „можетъ занять подобающее ему по-

1) System, S. 312. Cp. Logik I, S. 642.

2) Интересно отмѣтить тотъ фактъ, что *E. König* въ своемъ „*W. Wundt als Ph. u. Ps.*“ не придавалъ принципу цѣли того значенія для теоріи познанія, какое приписываетъ ему самъ Вундтъ. *König*, какъ видно изъ его изложенія, считаетъ болѣе удобнымъ говорить о цѣли не въ теоріи познанія, а въ примѣненіяхъ метафизическихъ принциповъ къ естествознанію.

ложеііе познавательнаго принципа соподчиненнаго съ причинностью“ ¹⁾. Правда, не всякое замѣщеніе причины слѣдствіемъ и слѣдствія причиною возможно для познаванія реальной сущности явленій. Логически подобное замѣщеніе всегда возможно, но въ примѣненіи къ внѣшнему міру цѣлевое разсмотрѣніе годно какъ нѣчто объективное лишь въ томъ случаѣ, когда телеологическое разсмотрѣніе относится къ области духовной причинности, гдѣ можетъ быть факторомъ представленіе цѣли и стремящаяся къ цѣли волевая дѣятельность. Поэтому цѣлевое разсмотрѣніе важно въ области біологическихъ наукъ, гдѣ нужно считать волю руководящимъ принципомъ, и гдѣ цѣль играетъ важную роль въ пониманіи эволюціонныхъ процессовъ.

Но, считая подробное разсмотрѣніе объективныхъ цѣлей въ природѣ относящимся уже не къ теоріи познанія, а къ философіи природы и философіи духа, мы ограничимся здѣсь лишь разборомъ принципа Вундта о возможности актуальной цѣли въ связи съ понятіемъ актуальной причинности. Volkelt видитъ со стороны Вундта незаконное обращеніе съ телеологіей въ томъ пунктѣ, гдѣ Вундтъ ставитъ понятіе цѣли координированнымъ наравнѣ съ понятіемъ причинности. „Чисто субъективный способъ разсмотрѣнія, не указывающій на что-либо объективное, именно—понятіе цѣли такъ обрабатывается, какъ будто оно координировано съ принципомъ причинности, имѣющимъ объективное значеніе. Вундтъ покрываетъ тѣ отношенія, въ которыхъ нельзя найти никакого слѣда цѣлепричинности, кажуцимися цѣлевыми отношеніями и думаетъ этимъ вывести что-то равносильное причинному образу разсмотрѣнія“ ²⁾.

Приблизительно такъ же, какъ Volkelt, высказывается и Erhardt ³⁾, указывая на то, что „исключительно субъективный и методологическій характеръ“ пониманія цѣли, какъ обращенія причинности, „ничего не можетъ прибавить къ

¹⁾ System, S. 311. Logik, I, S. 635. Срав. взглядъ на причинность и цѣль у Лоссаго, (Ученія психологіи съ точ. зр. волюнтаризма. 1903 стр. 71). Послѣдній считаетъ у Вундта причинность и цѣль даже совершенно равносильными, во всякомъ случаѣ въ психической области.

²⁾ Volkelt. Wundts System d. Ph. Ph. Monatsh. 1891. S. 423.

³⁾ Erhardt. E. Wundts „System d. Ph.“ Zeitschrift. f. Ph 1893. S. 152.

разрѣшенію объективнаго и реальнаго отношенія между причинностью и телеологіей“.

Однако, отвѣта на эти затрудненія найти не такъ трудно, принимая во вниманіе съ одной стороны смысл самого закона причинности у Вундта, а съ другой стороны разсматривая понятіе цѣли по отношенію ко всей метафизикѣ Вундта. Если считается съ тѣмъ панпсихическимъ ученіемъ Вундта, которое лежитъ въ основѣ его метафизическихъ воззрѣній, то важное объективное значеніе, приписываемое принципу цѣли, вполне оправдывается. Если законъ причинности важенъ вообще для теоріи познанія, то принципъ цѣли важенъ въ частномъ случаѣ для ученія Вундта, такъ какъ примѣненіе его здѣсь очень значительно. Различіе же между причиннымъ и телеологическимъ пониманіемъ, на которое указываетъ Volkelt, а также и Erhardt, и которое по мнѣнію послѣднихъ заключается въ томъ, что телеологическое разсмотрѣніе обладаетъ чисто субъективнымъ характеромъ, это различіе именно исчезаетъ у Вундта, такъ какъ причинность по ученію послѣдняго въ своемъ основаніи также имѣетъ субъективный характеръ, получая происхожденіе благодаря закону основанія. Поэтому, вообще возраженія Volkelt'a и Erhardt'a были бы справедливы по отношенію ко всякой гносеологической системѣ, относящейся одинаково объективно и къ принципу причинности и къ принципу цѣли, но по отношенію къ Вундту это уже не такъ, и цѣль также какъ и причинность одинаково важны у послѣдняго для познанія жизни природы. Мы какъ разъ даже замѣчаемъ, что у Вундта понятіе цѣли заканчиваетъ гносеологию и составляетъ переходъ къ метафизикѣ, и, кромѣ того, видимъ, что Вундтъ какъ бы забѣгаетъ впередъ и вводитъ въ теорію познанія много матеріалу, относящагося собственно уже не къ гносеологіи, а къ философіи природы.

Болѣе важнымъ возраженіемъ со стороны Volkelt'a можно считать то, которое онъ выставилъ относительно „регрессивнаго“ пониманія въ понятіи цѣли. „Регрессивное направленіе въ причинномъ разсмотрѣніи“, говоритъ онъ ¹⁾, „никогда не приводитъ въ субъективномъ значеніи къ понятію цѣли“. Въ обращенномъ видѣ понятія причинности Volkelt

¹⁾ Volkelt. Wundts „Sys. d. Ph.“ S. 423.

не видитъ основанія для образованія понятія цѣли, такъ какъ для послѣдняго необходимо нѣчто бѣльше, чѣмъ простой регрессъ въ причинной связи. „Если я исхожу“ говорить Volkelt ¹⁾, „отъ обусловленнаго, отъ дѣйствія, и, обращаясь назадъ, спрашиваю объ условіяхъ и причинахъ, то нигдѣ я не оставляю принципа причинности. Въ этомъ случаѣ я нуждаюсь въ дѣйствіи какъ въ основаніи познанія причины такъ же, какъ я исхожу въ другомъ случаѣ изъ причины какъ изъ основанія познанія дѣйствія“.

Нельзя не согласиться со мнѣніемъ Volkelt'a относительно того, что одно по себѣ регрессивное разсмотрѣніе не можетъ дать понятія цѣли; если мы разсматриваемъ два явленія слѣдующія другъ за другомъ по принципу актуальной причинности, то обратное разсмотрѣніе этихъ явленій приведетъ опять-таки только къ указанію на нѣкоторую связь послѣднихъ относительно другъ друга. Но дѣло въ томъ, что Вундтъ вовсе не считаетъ достаточнымъ для понятія цѣли только одного „регресса“ отъ слѣдствія къ причинѣ. Принципъ регресса можетъ привести только тогда къ понятію цѣли, когда рядомъ съ „регрессомъ“ постулируется признаніе предшествовавшаго „прогресса“. Какъ говоритъ Вундтъ, въ понятіи цѣли „предвосхищается дѣйствіе, какъ долженствующая быть достигнутой цѣль, а затѣмъ отыскиваются условія, представляющіяся средствами для осуществленія этой цѣли“ ²⁾. Въ выраженіи „предвосхищается“ мы можемъ видѣть именно ясное подтвержденіе нашего мнѣнія. Вѣдь въ „предвосхищеніи“ мы имѣемъ постулированіе процесса, такъ какъ „предвосхищеніе“ идетъ именно въ томъ же направленіи, въ какомъ идутъ связаннныя между собою причина и слѣдствіе. Въ выраженіи же Вундта относительно того, что „цѣлевое разсмотрѣніе есть не что иное, какъ поворачиваніе причиннаго разсмотрѣнія концомъ напередъ“ ³⁾, опять-таки указывается предположеніе прогресса до регресса, такъ какъ всякое „поворачиваніе“ представляетъ существованіе первоначальнаго и окончательнаго положенія въ противоположныхъ направленіяхъ. Но при та-

1) Ibid.

2) System, S. 312.

3) Ibid., S. 312.

комъ согласованіи прогресса и регресса понятіе цѣли можетъ возникнуть; конечно, для этого необходимо присутствіе опытныхъ данныхъ, при которыхъ принципъ цѣли, также какъ и причинность, только и можетъ обнаружить свое значеніе. И если, по мнѣнію Erhardt'a ¹⁾, принципъ цѣли у Вундта „не даетъ отвѣта на вопросъ: обладаютъ ли цѣли въ природѣ объективнымъ значеніемъ, и существуютъ ли процессы, требующіе непремѣнно телеологическаго объясненія, и въ какомъ отношеніи стоятъ другъ къ другу причина и цѣль,—то можно видѣть, что опытные данныя сами представляютъ уже рѣшеніе этого вопроса; цѣль, какъ и причинность, не можетъ быть понятіемъ, оторваннымъ отъ опытнаго матеріала. Но каковъ этотъ матеріалъ и каково основаніе объективныхъ цѣлей въ природѣ,—это выходитъ уже за границы теоріи познанія.

Основанія теоріи познанія Вундта.

Заканчивая изложеніе теоріи познанія Вундта, мы считаемъ необходимымъ для окончательнаго уясненія разбираемаго ученія задать себѣ слѣдующій вопросъ: каковы тѣ предпосылки и положенія, которыя Вундтъ кладетъ въ основаніе всѣхъ своихъ частныхъ выводовъ? Рѣшеніе этого вопроса, по нашему мнѣнію, представляется интереснымъ даже безъ отношенія къ справедливости сдѣланныхъ Вундтомъ предпосылокъ.

Мы указывали уже на основной—исходный пунктъ теоріи познанія Вундта: единство переживанія, безъ различенія въ началѣ субъекта и объекта, единство, въ которомъ представленія даны со свойствами быть объектами, принимается Вундтомъ за непосредственно данную незыблемую истину, которая не теряетъ значенія до самаго конечнаго пункта познанія, не смотря на всѣ абстракціи и превращенія мышленіемъ представленій—объектовъ въ чисто субъективныя представленія. Уравненіе: „представленіе=объекту“ составляетъ первую предпосылку теоріи познанія Вундта и соответствуетъ его первой ступени воспринимающаго познанія.

Однако, при анализѣ даннаго уравненія мы видимъ, что—

¹⁾ Erhardt. Wundts „System. d. Ph.“ S. 153.

будучи только тождествомъ, само по себѣ это уравненіе еще не характеризуетъ ученія Вундта; тотъ фактъ, что по Вундту научное движеніе непрерывно направляетъ насъ къ познанію объективной истины, ведетъ къ установленію второго основного положенія: *объектъ теряетъ свои качества пропорціонально потерѣ противорѣчивыхъ признаковъ равнаго ему представленія*. Выражая это положеніе уравненіемъ и обозначая потерю у представленій черезъ „х“, потерю у объектовъ черезъ „у“, а коэффициентъ пропорціональности, могущій быть переменнымъ, черезъ „к“, получимъ:

$$y=kx.$$

Если первое тождество: представленіе=объекту также точно символически изобразимъ въ видѣ $R=O'$, то будемъ имѣть два уравненія, на которыхъ построена теорія познанія Вундта.

Въ самомъ дѣлѣ, имѣя

$$R=O' \dots I.$$

$$y=kx \dots II,$$

мы непосредственно получаемъ:

$$R-y=O-kx \dots III.$$

Давая въ III уравненіи произвольныя значенія х и у и обозначивъ любое изъ этихъ значеній черезъ X и У, имѣемъ:

$$R-U=O-kX \dots IV.$$

Но это IV уравненіе характеризуется тѣмъ, что оно представляетъ изъ себя уже не тождество, какъ уравненіе $R=O'$, а именно уравненіе, такъ какъ здѣсь частныя значенія х и у замѣнены черезъ текучіе координаты X и У.

Иначе говоря, обѣ части уравненія IV представляютъ изъ себя переменныя величины равныя между собою при каждой соответствующей парѣ значеній X и У. Поэтому можно считать, что данное уравненіе (IV) является функцией отъ переменныхъ X и У, другими словами, функцией отъ потерь свойствъ у представленій и объектовъ.

Но, такъ какъ представленія послѣ уничтоженія противорѣчивыхъ признаковъ переходятъ у Вундта все въ болѣе и болѣе отвлеченныя и общія понятія, то можно обозначить разность представленія R и противорѣчивыхъ его признаковъ У черезъ N, обозначающее уже понятіе. Такимъ образомъ, примѣняя указанное къ обѣимъ частямъ равенства

$$R-Y=O'-kX,$$

получаемъ:

$$N=O' \dots V',$$

гдѣ O' представляетъ объектъ уже нѣсколько очищенный отъ субъективныхъ противорѣчащихъ признаковъ.

Итакъ, въ уравненіи V мы приходимъ ко второй ступени познанія Вундта. Ея положеніе слѣдующее:

Понятіе=объекту.

Отправляясь далѣе и увеличивая значенія Y и X , иначе говоря, увеличивая освобожденіе отъ противорѣчивыхъ признаковъ въ объектѣ и представленіи, мы въ концѣ концовъ получаемъ полное освобожденіе N и O' отъ противорѣчивыхъ элементовъ. Обозначая такое предѣльное понятіе N черезъ S , а объектъ O' черезъ предѣльный объектъ O'' , что соотвѣтствуетъ у Вундта области разумныхъ идей, мы находимъ послѣднюю формулу:

$$S=O'' \dots VI.$$

Иначе говоря:

Идея=объекту.

Указанныя предѣльныя понятія S и предѣльное значеніе объекта O'' соотвѣтствуютъ у Вундта полному объективному познанію. Въ идеѣ S нѣтъ противорѣчивыхъ признаковъ, а въ объектѣ O'' нѣтъ признаковъ субъективности.

Устанавливая общую символическую формулу для теоріи познанія Вундта, именно формулу

$$R-Y=O-kX,$$

легко видѣть, что въ этой формулѣ характеризуются всѣ основныя черты разсматриваемаго ученія.

Въ самомъ дѣлѣ:

1°. Данная формула своимъ значеніемъ уравненія, а не тождества, отличаетъ Вундта отъ послѣдователей наивнаго реализма, такъ какъ наивный реализмъ останавливается уже на сходномъ тождествѣ

$$R=O.$$

2°. Подразумѣвая подъ нашимъ уравненіемъ

$$R-Y=O-kX$$

функцию непрерывную ¹⁾, иначе говоря, понимая уравненіе

¹⁾ Конечно, непрерывность необходимо предполагать здѣсь въ видѣ

какъ измѣняющееся однороднымъ образомъ на всѣхъ ступеняхъ познанія въ зависимости отъ постепеннаго освобожденія отъ противорѣчій, легко видѣть различіе Вундта и отъ Канта, такъ какъ при слѣдованіи Канту у Вундта обнаружилось бы три неизбежныхъ обрыва функціи, именно, при переходахъ отъ одной ступени познанія къ другой.

3° Данная формула обнимаетъ собою двѣ первыя формулы

$$\begin{aligned} R &= 0 \dots I \\ Y &= kX \dots II', \end{aligned}$$

выражающія двѣ необходимыя предпосылки теоріи познанія Вундта:

- а) *единство первоначальнаго объекта и представленія,*
- б) *необходимость для познанія апперцептивной дѣятельности мышленія, стремящагося къ устраненію противорѣчій.*

Въ этихъ указанныхъ двухъ предпосылкахъ выражается и среднее мѣсто Вундта между эмпиристами и апріористами въ ученіи о пространствѣ, времени, субстанціи, причинности и цѣли. Первая предпосылка о тождествѣ представленій объектамъ указываетъ на представленія, или, что то же, — на объектъ, какъ на матеріаль обработки; вторая же предпосылка указываетъ на апріорныя функціи мышленія, какъ на условіе этой обработки.

Мы видимъ, однако, что формула

$$R - Y = 0 - kX$$

можетъ быть приложена не только къ теоріи познанія Вундта, но и вообще къ историческому теченію естественныхъ наукъ. Въ самыхъ зачаткахъ естествознанія въ формулѣ

$$R - Y = 0 - kX$$

объ переменныя Y и X имѣютъ минимальное значеніе, и уравненіе безъ особенной погрѣшности получаетъ формулу тождества въ предѣльномъ значеніи

$$R = 0,$$

соотвѣтствуя этимъ обыкновенному исходному пункту житейскаго познанаія. Но съ постепеннымъ развитіемъ научнаго анализа противорѣчія въ опытныхъ данныхъ замѣ-

образнаго сравненія, а не въ точномъ смыслѣ математической непрерывности.

чаются все въ бѣльшемъ и бѣльшемъ количествѣ; оба переменныхъ $У$ и $Х$ непрерывно возрастаютъ; изъ представленій житейскаго познания вырабатываются научныя понятія. Наконецъ, въ новѣйшихъ попыткахъ естественно-научной философіи объять міръ въ общемъ единствѣ на основаніи частныхъ научныхъ данныхъ, $У$ и $Х$ стремятся къ максимуму, приближаясь своими значеніями къ R и O . Послѣднія же, по удаленіи всѣхъ противорѣчивыхъ признаковъ $У$ и $Х$, становятся наибѣлье бѣдными своимъ содержаніемъ и дѣлаются здѣсь въ предѣлѣ конечными всеохватывающими идеями.

И въ этомъ согласіи историческаго развитія естествознанія съ развитіемъ положеній въ теоріи познания Вундта и состоитъ главная заслуга послѣдняго. Вундтъ только закрѣпилъ и оправдалъ насколько могъ въ своей теоріи познания законныя инстинктивныя стремленія науки.

Поэтому наша формулировка теоріи познания Вундта какъ „оправданія науки“ можетъ быть удержана, по нашему мнѣнію, уже въ силу того, что ту вѣру въ тождество очищенныхъ представленій объектамъ, которую питала и питаетъ всегда наука въ своихъ изслѣдованіяхъ, Вундтъ старается обратить въ твердую увѣренность, и тотъ взглядъ на возможность превращенія уравненія

$$R-U=O-kX$$

благодаря научнымъ успѣхамъ въ конечное высшее тождество

$$S=O''$$

онъ обосновываетъ какъ дѣйствительно истинный взглядъ на сущность научнаго познания, какъ единственно возможнаго для проникновенія въ объективное бытіе внѣшняго міра.

А. Селитренниковъ.